

*Посвящается
Оскару, моему любимому*

1

В ОДИН ПРЕКРАСНЫЙ ДЕНЬ

Я прекратила стучать пальцами по клавиатуре компьютера и, потеревив волосы карандашом, перечитала текст: «Они переглянулись. Разделявшее молодых людей расстояние в несколько метров не имело значения, ибо мысли обрели материальную форму, соскользнули на пол и пустились вскачь, пытаясь улизнуть. Их взгляды встретились, и на долю секунды все вокруг замерло — даже ветерок, колыхавший ветви деревьев, утих за окном. Но она моргнула, и оба поспешно отвели взгляд, смущенные, растерянные и очарованные внезапной мыслью, что можно так просто, с первого взгляда влюбиться в незнакомца».

Закатив глаза, я швырнула карандаш на стол и вскочила, словно меня внезапно подбросила вверх пружина, кем-то тайно зашитая в сиденье стула.

— Вот дерьмо!

Разумеется, я отлично знала, что никто меня не услышит, но испытывала жгучую потребность выплеснуть накипевшее. «Какое все-таки дерьмо». Мысли мои перекликались с началом «Звездных войн», только выразить их я могла исключительно в нецензурной форме. Полное дерьмо. Жуткое дерьмо. То, что я написала, — просто куча дерьма, огромная куча дерьма.

Приходилось признать печальную истину: у меня иссякло вдохновение. Отрабатывая номер, я написала пятьдесят семь страниц, и, ясное дело, получилась полная ерунда. Нелепый, чудовищный вздор — на школьные литературные конкурсы участники и то представляют куда лучшие тексты. Я ставила перед собой цель за день написать не меньше двух страниц, но в нынешних условиях меня несказанно порадовали бы всего два или три приемлемых абзаца. Приемлемых? Размечталась.

Сидеть за компьютером до вечера совершенно не имело смысла. Дома я находилась одна и потому могла себе позволить не притворяться. Я прекрасно понимала, что в тот день из-под моего пера не выйдет ничего путного. А может, не выйдет никогда. Из комнаты, служившей кабинетом и гостиной, я переместилась в спальню (длина пути не превышала трех шагов) и села на кровать. Бросив быстрый взгляд на свои босые ноги и придя в ужас от их вида — лак на ногтях совсем облупился, — я придвинула поближе пепельницу и закурила сигарету.

Что со мной происходит? С каких пор я перестала считать зазорным выглядеть неряшливой клушей? Покосившись на телефон, я подумала долю секунды и схватила трубку.

Один гудок... два... три...

— Слушаю! — ответила моя лучшая подруга.

— Представим, что я законченная неудачница. Ты будешь по-прежнему меня любить? — спросила я на одном дыхании.

От громкого смеха Лолы у меня завибрировали барабанные перепонки.

— У тебя паранойя, — заявила она.

— Нет у меня паранойи. Я до сих пор не написала ни одного стоящего предложения. В издательстве мне дадут пинка под зад. Хорошего такого пинка. Впрочем, это уже будет не важно. Я сама себе не прощу.

— Послушай, никто, кроме меня, не имеет права устраивать тебе трепку, Валерия, — напомнила любящая подруга. Наверное, она хотела меня утешить.

— Знаешь, что самое трудное для писателя? Опубликовать второй роман. Вторая книга... Она подразумевает, что автор не пустышка и ему есть что сказать. У меня же в душе сумбур, а в голове полная каша. Моей второй кучей дерьма — вот чем будет эта книга.

— Не глупи.

— Я говорю серьезно, Лола. Кажется, я сделала ошибку, бросив работу. — Я обхватила голову руками и почувствовала, как дернулся жалкий растрепанный пучок.

— Не болтай чепуху. Работа надоела тебе до чертиков, а шеф был сущим уродом. На жизнь тебе вполне хватает. Так в чем же дело?

Дело было в том, что деньги рано или поздно закончатся, а намерение «попытать счастья на книжном рынке» изрядно попахивало авантюрой. Я всего на миг погрузилась в раздумья — меня тут же отвлек от них гудок автобуса, неожиданно прозвучавший на другом конце телефонной линии. Я посмотрела на часы. В двенадцать утра Лоле полагалось еще сидеть на работе.

— Я не вовремя? — уточнила я.

— С чего ты взяла?

— Слышен шум машин. Ты идешь по улице?

— Да. Я прикинулась, будто у меня страшно разболелась рука, и сбежала с поля боя.

Я покачала головой, неодобрительно усмехнувшись. В этом вся Лола...

— В глубине души я знала, что не нарушу твой рабочий график, позвонив в середине дня. Однажды именно тебя выгонят пинком под зад, моя дорогая.

Лола захихикала:

— Я работаю быстро и добиваюсь отличных результатов, сомневаюсь, что на мое место найдут другую кандидатуру.

— Возможно, это будет человек, который не расположен к симуляции, — предположила я, рассматривая свои руки и с сожалением признавая, что маникюр тоже оставлял желать лучшего.

— Послушай, я в двух остановках от твоего дома. Хочешь, зайду?

— Конечно, хочу.

Она дала отбой. Лола не имела привычки прощаться, заканчивая разговор по телефону.

Я задумалась о бурной жизни Лолы и, конечно, вспомнила о знаменитом ежедневнике в красной обложке со страницами, испещренными необыкновенно увлекательными пометками. Ее записи, казалось, всегда имели особый смысл и волновали воображение, даже если речь шла лишь о визите к косметологу, чтобы поправить линию бикини. Да, к личному косметологу, к той самой даме, которую Лола называла Мисс Сайгон (хотя на самом деле косметолог родилась в Пласенсии). Эта дама однажды ни с того ни с сего устроила мне сеанс полной эпиляции.

На досуге мне нравилось рыться в ежедневнике Лолы, где она фиксировала события своей жизни в мельчайших подробностях. Она записывала номера телефонов парней, с которыми встречалась, и собственный вес, отмечала развеселые похождения — их было немало, мне на зависть. Лола сравнивала, сколько времени планировала позаниматься в спортзале и как долго на самом деле там пробыла. Она считала количество выкуренных сигарет, комментировала свидания с Серхио, перечисляла предметы туалета, взятые займы, и одежду, отданную в химчистку, а также составляла списки вещей, которые следовало купить для пополнения гардероба. В конце своеобразного

дневника были подклеены сотни чеков из магазинов и супермаркетов с подчеркнутыми (неизвестно зачем) суммами. Вся жизнь Лолы отражалась как в зеркале на страницах краснокоржего еженеवनика. Она была буквально по дням расписана на бумаге цветными фломастерами — без стеснения, с первоыбитным бесстыдством, столь свойственным Лоле, лишенной предрассудков и страха. Моя подруга не боялась никого и ничего, в том числе и себя. Она потрясающая женщина.

Что до меня, то я привыкла пользоваться электронным органайзером и находила его удобным, поскольку программа, установленная на компьютер и мобильник, обладала свойством навязчиво и противно подавать сигналы, вытаскивая меня из нирваны вечной сесты и напоминая, что нужно навестить маму или помочь сестре осуществить одну из ее безумных затей вроде перестановки мебели в доме. Да, мои интересы теперь сводились к повседневной рутине. Мой органайзер не был похож на сказку странствий, как у Лолы. Скорее он представлял собой длинный перечень семейных обязательств, крайних сроков оплаты счетов и ближайших планов с учетом расписания Адриана, моего мужа. Да, именно мужа, я не оговорилаь. Иногда мне казалось, что слово «муж» совершенно не сочеталось с моим возрастом — а мне исполнилось двадцать семь. И, честно говоря, оно действительно не сочеталось. Оно было несовместимо с моим возрастом, а порой и с жизнью в целом, но это уже совсем другая тема, которой я не хотела бы касаться раньше времени.

Я выглянула в окно. Стояла ясная солнечная погода, хотя на горизонте угадывались легкие перистые облачка. Я поняла, почему Лола сбежала с работы. Если бы мне, как прежде, приходилось с утра до вечера томиться в офисе, я тоже мечтала бы вырваться

на свободу. Но я точно не рискнула бы совершить побег, ибо не отличалась храбростью, во всяком случае, в подобных обстоятельствах. Пожалуй, правильнее было бы сказать «не отличалась безрассудством».

Прозвенел дверной звонок, и от неожиданности я чуть не выпала из окна. Я так и не привыкла к его адскому дребезжанию, хотя прожила в этой норке около двух лет. Полагаю, мне стоило бы поставить свечку в благодарность за спасение, поскольку квартира находилась на пятом этаже, а прямо внизу раскинулся парусиновый тент пакистанской фруктовой лавочки. Мне не улыбалась перспектива пробить навес и умереть, изрешеченной фруктовой шрапнелью в виде шипов личи.

Оправившись от испуга, я направилась к двери, так и не потрудившись набросить на плечи халат, и предстала перед подругой в старой футболке и в шортах из девяностых годов. Шорты относились к числу небезопасных предметов одежды, над которыми время не властно. Кажется, в школе я занималась в них физкультурой. Лола смерила меня взглядом от макушки до пят и расхохоталась:

— Отпад! Валерия, я в восторге от твоих шортиков! Самый настоящий — как бы поточнее выразиться? — ретро-гламур.

Я покосилась на свое отражение в зеркале, висевшем в прихожей, и подумала, что самым ужасным в моем облике был не спортивный прикид. Оставалась надежда, что Лола проявит милосердие и посмотрит сквозь пальцы на экстравагантную прическу в стиле Эми Уайнхаус¹ и огромную плюшку на подбородке, которую я обеспечила себе, пытаясь избавиться от прыщика, невидимо-

¹ Уайнхаус Эми (1983–2011) — британская певица и автор песен, лауреат престижных музыкальных премий. — *Здесь и далее прим. перев.*

го взору прочих смертных. Пряди русых волос, тусклых и безжизненных, отливали зеленою, если внимательно присмотреться. Правда, я старалась не присматриваться, чтобы лишний раз не огорчаться.

— Извини, не стала надевать подвенечное платье к твоему приходу, — ответила я с деланой небрежностью, впустив подругу в квартиру и затолкнув подалее стыд из-за того, что выглядела не краше огородного пугала.

— Нет-нет, — засмеялась Лола, — я честно говорю. Мне нравится. Тебе очень идет. У тебя восхитительные ноги, и ты зря их постоянно прячешь. Адриан, должно быть, обожает эти штанишки.

— Как же! — Я уставилась на нее как на сумасшедшую. Сомневаюсь, что Адриану в последнее время нравилось хоть что-то из моей одежды. Впрочем, как и то, что под ней.

Я повернулась к подруге спиной, поспешив устроиться с ногами в своем любимом кресле, единственном в доме. Да, я имела в виду именно кресло, а не диван. Прежде чем втиснуть в нашу «гостиную» даже небольшой двухместный диван, потребовалось бы снести как минимум одну стену. Меня разбирал смех, когда я видела интерьеры чудных компактных квартирков в тридцать пять квадратных метров, разработанных дизайнерами «ИКЕИ».

Лола выглядела неотразимо, с густой гривой темно-каштановых волос и алыми губами, — Впрочем, как всегда. Я решительно не понимала, как она ухитрялась при любых обстоятельствах оставаться такой привлекательной. Порой даже у меня появлялись грешные мысли, когда я смотрела на нее, а ведь я гетеросексуалка. Всего год назад я тоже входила в число кокетливых созданий, которые всегда стараются преподнести себя в наиболее выгодном свете. Но теперь... Посмотрели бы вы на меня — настоящий Фрэггл.

Пока я с искренним восторгом разглядывала Лолу, она поправила челку и небрежно бросила сумочку на пол. Я улыбнулась, заметив торчавший из сумки красный корешок легендарного ежедневника.

— Как твоя рука? — поинтересовалась я.

— Ох! Боль невыносимая! Наверное, я заработала «локоть теннисиста». — Она поежилась, изображая страдание, но было больше похоже, что страдала она от геморроя.

— Точнее сказать, «локоть выдумщицы».

— Послушай, Валерия, такой сегодня день! Я закончила перевод, и мне не улыбалось сидеть в офисе до посинения с постным лицом, подобно моим робким невзрачным коллегам. Будь умницей, дай мне выпить. — Она плюхнулась на краешек кровати и лукаво усмехнулась. — Ух ты! Новый матрас? В прежнем вы прожгли дырки, совокупляясь, как кролики?

Я пропустила мимо ушей последнюю фразу и, встревоженная угрозой алкоголизма, сказала:

— Лола, дорогая, еще только полдень.

— Самое подходящее время для рюмки вермута!

Лола допила последние капли мартини «Россо» со вкусом, как делала всегда, если напиток ей нравился, и, улыбаясь, прожевала маслину. Губы у нее были накрашены безупречно. Не мешало бы узнать у нее секрет божественного совершенства. Я покосилась на изысканный бокал с коктейлем, который держала в руках, затем на свой наряд и мысленно содрогнулась. Полный кошмар.

— А что насчет Адриана? Он как? — без лишних церемоний спросила подруга.

— Работает.

— Не сомневаюсь. Вряд ли «локоть теннисиста» — заразная болезнь. — Она расхохоталась, весьма довольная шуткой, и пояснила: — Я хотела узнать, как

Адриан относится к твоей чудовищной фрустрации, из-за которой ты превращаешься в... овощ.

Я уставилась на подругу, вздернув бровь. Она вытянула руку и пару раз дернула меня за пучок, приговаривая:

— Тихо, тихо.

— На самом деле Адриан похлопывает меня по плечу и говорит, что мне надо успокоиться и тогда все пойдет как по маслу. Но...

«...он не спит со мной», — мысленно закончила я фразу.

— Какие тут могут быть «но»?

Я прикусила губу. Признаваться в том, что муж меня избегает, было невыносимо стыдно.

— Боюсь, ничего у меня не выйдет. Откровенно говоря, думаю, что с первой книгой мне просто повезло. Второй роман станет звонкой пощечиной, которая вернет меня с небес на землю. Тогда я, страдающая, как всякий непризнанный гений, совсем заброшу писательское ремесло и закончу карьеру продавцом в круглосуточном «Макавто».

— Удачная фраза — это вопрос везения. Наткнуться на пару модельных туфель на распродаже, — указала она на ноги, обутые в дивно красивые лодочки с открытым мыском, — безусловно, вопрос везения. Пятьсот семьдесят страниц увлекательного романа, написанного легко, на одном дыхании, везением назвать нельзя.

— Что бы ты посоветовала как моя лучшая подруга?

— Если честно, я посоветовала бы тебе срочно сделать маникюр. — Лола закурила сигарету. — О чем твой новый роман? — Она приподнялась и дотянулась до пепельницы.

— Все как обычно: любовь и бла-бла-бла...

— Главная проблема в том, что тебе не хватает истинного вдохновения. — Лола хищно улыбнулась,